

- ²¹ Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов 1865 г. Примечание к статье 20 // ПСЗ. Собр. 2. Т. 40. СПб., 1867. № 41779. С. 160.
- ²² Устав торговый. Ст. 15, 16, 17 // СЗРИ. Т. 11, ч. 2. СПб., 1899.
- ²³ Там же. Ст. 114, 139, 592.
- ²⁴ Устав Консульский. Ст. 3 // Там же.
- ²⁵ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Ст. 1171 // Там же. Т. 15. СПб., 1899.
- ²⁶ Там же. Ст. 1173.
- ²⁷ Свод законов гражданских. Ст. 221 // Там же. Т. 10, ч. 1. СПб., 1887. С. 33.
- ²⁸ Там же. Ст. 228. С. 35.
- ²⁹ Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов 1865 г. Ст. 79 // ПСЗ. Собр. 2. Т. 40. СПб., 1867. № 41779. С. 169; Свод законов гражданских. Ст. 270 // СЗРИ. Т. 10, ч. 1. СПб., 1887. С. 41.
- ³⁰ *Нерсесов Н. И.* Торговое право. С. 50.
- ³¹ Свод законов гражданских. Ст. 107 // СЗРИ. Т. 10, ч. 1. СПб., 1887.
- ³² *Цитович П. П.* Очерк основных понятий торгового права. Киев, 1886. С. 36.
- ³³ *Гольмстен А. Х.* Очерки по русскому торговому праву. С. 36–37.
- ³⁴ Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов 1865 г. Ст. 20, 22, 67, 82 // ПСЗ. Собр. 2. Т. 40. СПб., 1867. № 41779. С. 160, 161, 167, 169.
- ³⁵ *Нерсесов Н. И.* Торговое право. С. 51.
- ³⁶ Например, см.: *Енамукова З. К.* Торговая правосубъектность в России второй половины XVII–XIX веков: Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008. С. 119–144.
- ³⁷ Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов 1865 г. Ст. 32, 33 // ПСЗ. Собр. 2. Т. 40. СПб., 1867. № 41779. С. 162.
- ³⁸ Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов 1865 г. Ст. 40–45 // Там же. С. 163–165.
- ³⁹ Здесь имеется в виду возможность приобретения купеческого звания путем взятия гильдейского свидетельства.
- ⁴⁰ *Цитович П. П.* Очерк основных понятий торгового права. С. 37–38.
- ⁴¹ *Нерсесов Н. И.* Торговое право. С. 51.

С. А. Саломатина

РАСШИРЕНИЕ РЫНКА БАНКОВСКИХ УСЛУГ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ, 1860–1910-е гг.: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ *

Банковский кредит — это важный инструмент распределения ресурсов в экономике, влияющий на возможности роста и развития. Именно поэтому в нашем исследовании делается попытка оценить доступность кредита в системе акционерных коммерческих банков Российской империи. Банки такого типа существовали с 1864 г. и специализировались на кредите предпринимате-

* Проект РФФИ № 16-06-00539 «Формирование рынка банковского капитала в Российской империи, 1874–1913 гг.: базы данных, статистический анализ, геоинформационные технологии».

лям, фирмам, компаниям, а также держателям ценных бумаг, то есть клиенты этих банков по кредиту относились преимущественно к деловой сфере, и это в значительной мере была состоятельная публика. Подобных банков к 1913 г. было всего 50, однако многие из них имели обширные филиальные сети.

Это исследование посвящено почти совсем не изученному региональному аспекту деятельности банков. Главным препятствием здесь всегда была крайне фрагментарная статистика. В рамках нашего научного проекта предпринята попытка собрать региональные данные в дореволюционных публикациях и в архивах. Данные за 1874 и 1897 гг. уже введены в научный оборот¹, а в этой статье представлены первые результаты обработки нового массива за 1913 г.

Доступность кредита можно изучать через анализ кредитных процентных ставок в разных регионах и в разные периоды. В теории, чем меньше разница в ставках между регионами, чем ставки ниже, чем больше банковских подразделений, тем больше возможностей получить кредит. Выравнивание ценовой разницы активов относится к понятию «интеграция рынков», так как кредитная ставка — это цена кредита или цена денег, а банки региона — рынок денег.

Расширение доступа к кредиту означает, что все большее количество лиц могут получить в банке кредит. Это демократизация кредита. Строго говоря, демократизация наступает, когда появляется потребительский кредит, который могут получить лица, не занимающиеся предпринимательской деятельностью, но это в полной мере в мировой истории происходит только во второй половине XX в., а для Российской империи демократизация кредита означало, что не только крупный, но и мелкий бизнес получает доступ в банк.

Попробуем в теории описать ситуацию с доступом к кредиту в Российской империи, а потом сопоставить ее с нашими данными.

Мнение о том, что Российская империя была страной недостатка капитала, давно устоялось в научной литературе. В Российской империи спрос на деньги всегда превышал предложение. Что из этого следует для развития именно банковского кредита (мы не рассматриваем здесь неформальный, ростовщический рынок)?

У нас нет никаких сведений о запредельных ставках в акционерных коммерческих банках и в этом тексте речь пойдет о диапазоне 7–10 %. Такие ставки для региональных центров не будут аномально высокими даже в межстрановом сравнении², а во многих крупных респектабельных банках ставки были заметно ниже. С другой стороны, у нас много свидетельств в разных нарративных источниках, что кредита не хватает или он недоступен.

Ограниченный доступ к кредиту описывается термином «нормирование» (*credit rationing*), который относится к той же области, что и продуктовые карточки, известные в советской истории, но описывает другое явление. Кредитное нормирование означает разные формы отсечения экономических агентов от банковского кредита. Здесь подразумеваются случаи, когда человек хочет получить кредит, даже согласен платить повышенный процент, но банк ему отказывает, потому что считает его недостаточно платежеспособным или потому, что ресурсы уже распределены между другими клиентами.

Российская институциональная среда привела к созданию коммерческих банков двух типов. Во-первых, это банки с довольно низкими среднегодовыми кредитными ставками, которые можно объяснить через нормирование: эти банки создавались не для максимизации прибыли, а для удержания низкой кредитной ставки для нефинансовых фирм и компаний владельцев банка. Как правило, это старые, стабильные коммерческие банки, обслуживавшие значительную часть крупной, «первосортной» клиентуры региона.

Во-вторых, это банки, вынужденные занять ниши, незатронутые банками первого типа; как правило, это более молодые банки, в них ставки в целом выше, потому что им приходится обратить внимание на менее солидную клиентуру.

В дополнение к этому в Российской империи в целом, особенно во второй половине XIX в., должен был действовать фактор повышения ставки, связанный с монополизмом банка на части рынка (по клиентуре или по региону). В Российской империи действовало ограничение на вход в банковский бизнес, процедура учреждения банка была сложной и требовала лоббистских ресурсов. В результате, банков было мало, рост банковской системы происходил за счет роста филиалов, а не за счет новых банков, но и филиалов было недостаточно. Малое число банковских учреждений неизбежно приводит к монопольным тенденциям в их ценовой политике.

Итак, ситуацию с доступностью кредита можно описать двумя противоположными моделями.

Во-первых, модель, в которой доступ к кредиту ограничен: банковских учреждений мало, ставка в них имеет тенденцию к завышению, интеграция рынков слабая, то есть большая разница ставок между отдельными финансовыми центрами и банковскими подразделениями.

Во-вторых, модель, в которой доступ к кредиту становится более легким, когда банковских учреждений много, что толкает ставку к снижению; в дополнение к этому по мере развития коммуникаций уменьшается разница в ставках между банками, финансовыми центрами, регионами.

Таким образом, вопрос об изучении доступности кредита выходит на вопрос о дифференциале (разнице) процентных ставок между регионами и во времени. Для таких исследований нужны регулярные данные о процентных ставках по кредиту. Однако в российской банковской статистике таких данных нет, как, впрочем, и во многих других национальных исторических статистиках, поэтому для изучения дифференциала процентных ставок используется методика, основанная на показателе-заменителе — среднегодовой кредитной ставке, которую можно рассчитать по годовому отчету банка. Формула расчета — это отношение прибыли по всем кредитам за год к среднему арифметическому всех кредитов по балансу на начало и конец года. К кредитам относятся все виды учетной операции (прежде всего, учет векселей), а также срочные и бессрочные ссуды под разные залоги (ценные бумаги, векселя, товары). Годовые отчеты публиковались отдельными брошюрами и доступны в библиотеках, а также в нашем распоряжении есть корпус дореволюционных публикаций со сводками данных этих отчетов. Недостатком всех этих публикаций являются очень фрагментарные региональные данные, то есть данные

по отдельным подразделениям, однако эти лакуны можно восполнить архивными данными.

В итоге наш массив данных сочетает дореволюционные опубликованные и архивные данные, однако данные по части отделений пришлось реконструировать. Полное приложение об источниках и методах реконструкции данных будет опубликовано в ближайшее время.

В нашем исследовании используются следующие показатели: банковское подразделение с указанием населенного пункта, где оно находится, сумма кредитов в этом подразделении (кредитный портфель) по балансу, а также прибыль по операции за год.

Как уже было сказано, у нас уже готовы региональные данные на 1874 и 1897 гг. 1874-й выбран как последний год перед 1875-м, когда банковская система окончательно впадает в затяжной кризис. С другой стороны, по 1874 г. можно подвести итоги первоначального роста банковской системы с 1864 г., а 1897 г. относится к периоду высокой конъюнктуры 1890-х гг., завершавшей XIX в.

На этом этапе проекта в научное использование вводятся новые региональные данные за 1913 г. Еще одно важное дополнение — архивные данные по отделениям Волжско-Камского банка за 1874 г., тогда как ранее здесь использовалась реконструкция данных.

В итоге, по кредитам за 1874 г. в нашей базе данных всего 7 % реконструированных данных, за 1897 г. — 19 %. Реконструкция здесь заключается в том, что сумму по группе отделений, точно известную по источникам, нужно разделить на число отделений, но не поровну, а с учетом трех факторов: года основания (новые отделения мельче), статуса финансового центра (в уездном центре не может быть крупного банка) и сопоставления с реальными данными (если в городе есть два подразделения с реальными данными о кредитах в 2–3 млн руб., нельзя для еще одного реконструируемого подразделения назначить портфель в 5 млн руб.). Реконструкцию такого рода можно легко сделать в электронной таблице.

За 1913 г. общую сумму реконструированных данных удалось снизить до 30 %, хотя в начале проекта здесь ожидалась более крупная доля. В архивах есть потенциал для дальнейшего снижения этого показателя еще примерно на 10 процентных пунктов, однако было принято решение сейчас сосредоточиться на обработке имеющихся данных, чтобы более глубоко оценить их качество и скорректировать пути их уточнения и расширения.

По кредитным ставкам ситуация с реальными данными менее благоприятная, потому что данных по прибылям вообще меньше и в публикациях, и в архивах. Так, в нашей базе данных 93 подразделения в России в 1874 г., 267 — в 1897 г. и 840 — в 1913 г., и не для всех подразделений есть статистические данные, особенно для подразделений статусом ниже полноценного отделения (агентства, комиссионерства, городские отделения и проч.). Подразделений, для которых есть все данные для расчета среднегодовой кредитной ставки, всего 65, 72 и 199 за 1874, 1897 и 1913 гг., соответственно. Во всех остальных случаях использовалась ближайшая ставка, которую можно для

данного подразделения рассчитать, как правило, это ставка по филиальной сети банка в целом (весь банк минус центральный офис).

В табл. 1 описывается наш массив кредитных ставок по трем временным срезам. Прежде всего, средние значения уменьшаются (9,3 %, 7,8 %, 7,6 %), а стандартные отклонения показывают сокращение разброса данных (2,6 %, 1,5 %, 0,9 %), как и другой показатель разброса — коэффициент вариации (28 %, 19 %, 12 %). Получается, что ставки снижаются и становятся более однородными. Другое дело, что разницы между 1897 и 1913 гг. почти нет. Все это происходит на фоне роста числа подразделений, особенно от 1897 к 1913 г. Разница минимальных и максимальных ставок так же уменьшается и сдвигается вниз.

Т а б л и ц а 1. Среднегодовые кредитные ставки акционерных коммерческих банков в 1874, 1897 и 1913 гг.

	1874 г.	1897 г.	1913 г.
число подразделений *	90	262	825
min–max, %	4,5–16,3	4,5–13,4	3,9–11,4
среднее ± станд. откл., %	9,3±2,6	7,8±1,5	7,6±0,9
средневзвешенное **, %	7,8	6,7	7,2
коэфф. вариации, %	28	19	12

* Для которых может быть рассчитана ставка или может быть использована ставка по группе подразделений.

** Средневзвешенное по сумме кредитов в подразделении.

Очень интересна динамика средневзвешенного. Это средняя ставка, рассчитываемая с учетом объема кредитов в каждом подразделении, то есть ставка подразделения с большим кредитным портфелем сильнее влияет на средневзвешенное, чем ставка подразделения с мелким портфелем. Для оценки средневзвешенного важно сравнивать его с обычным средним, например, в 1897 г. средняя ставка по России 7,8 %, а средневзвешенная — 6,7 %. Это значит, что в крупных банках ставка ниже, это эффект масштаба, когда крупному банку единица активов, вложенная в кредиты, обходится дешевле. Большой банк находится в крупном финансовом центре, а это еще и рыночный эффект «чем больше рынок, тем ниже ставка».

Средневзвешенное по всем трем временным срезам ниже среднего, то есть в крупных банках и на крупных рынках ставки ниже. Однако от 1897 к 1913 г. средневзвешенное растет, это значит, что в крупных банках в 1913 г. ставка выше, чем в 1897 г. Какой-то фактор давит на ставку в сторону повышения.

Теперь попробуем прокомментировать эти результаты с точки зрения процессов интеграции и демократизации. В 1874 г. не может быть речи о легком доступе к кредиту: банков мало, ставки высокие, разница между рынками большая. Да, в крупных банках на ведущих рынках, где больше денег, ставка ниже, но в целом такое ограниченное и дорогое предложение не предполагает массовой мелкой клиентуры.

От 1874 к 1897 г. процесс интеграции и демократизации начинается, причем на низкие ставки 1890-х гг. влияет еще и общемировой тренд, так как это десятилетие дешевых денег³.

От 1897 к 1913 г. процесс усиливается, но снижения ставок почти нет, а на средневзвешенных показателях даже наблюдается рост ставок. Можно ли говорить о демократизации доступа к кредиту при росте ставок? Да, потому что кредитование по таким ставкам значительно выгоднее ставок неформального рынка. Да, потому что по количеству подразделений и объемам кредитов у нас резкий рост клиентуры, то есть на эти ставки приходит все больше количество желающих их платить. Расширение клиентской базы означает усложнение системы оценки кредитоспособности и обслуживания кредитов — это тоже ведет скорее к удорожанию кредита. Да, потому что в банковскую систему входит все больше провинциальной клиентуры, где ставки выше. На российские реалии еще накладывается общемировой тренд: в 1910-е гг. ставки в целом выше, чем в 1890-е гг.

Расширение клиентской базы при росте ставок говорит еще и о том, что рынок в 1913 г. не насыщен до той точки, когда борьба за клиентов заставляет банки снижать ставки.

Другой важный вопрос, который необходимо осветить, — как процессы демократизации и интеграции выглядят по региональной статистике кредитов? Прежде всего, интересно сравнить наше исследование со статистическими сводками И. Ф. Гиндина, которые являлись единственным вариантом региональных расчетов по акционерным коммерческим банкам до появления нашего массива данных⁴. Гиндин работал только с дореволюционными опубликованными данными, в его таблицах представлены лишь Санкт-Петербург, Москва и остальная провинция, потому что по этим источникам сделать по-другому невозможно. Строго говоря, по этим данным нельзя оценить и долю Москвы, поэтому здесь Гиндин делает экспертную оценку, объяснив свою методику.

Показателя «сумма всех кредитов», аналогичного нашему, у Гиндина нет. Близким является сумма всех кредитов и портфелей ценных бумаг. При такой компоновке получается, что 27 % этих активов приходится на Санкт-Петербург, 17 % на Москву и 56 % на остальную Россию (это без учета иностранных отделений российских банков)⁵.

Однако при обращении к архивным данным оказалось, что доля Москвы у Гиндина занижена. Если оценивать кредитный портфель московских банков по Гиндину, получается около 488 млн руб.⁶ Однако наша архивная работа дала примерно на 100 млн руб. больше — 594,4. Дело в том, что по методике Гиндина «не видны» московские отделения крупных петербургских банков. Оказалось, что их кредитные портфели были по 20–40 млн руб., а средний портфель по Москве 1913 г. — 22 млн руб. Для сравнения, средний размер кредитного портфеля банковского подразделения в 1913 г. по России в целом был всего 4,3 млн руб. при медиане 1,6 млн, то есть было очень много подразделений с небольшими портфелями в 1–3 млн руб.

В то же время важно отметить, что при технических ограничениях, которые были у Гиндина в 1920-е гг., когда он делал свои статистические сводки⁷, его методика дала довольно точный результат, принципиально близкий к нашему результату в табл. 2, где наши данные сгруппированы как у Гиндина.

Табл. 2 свидетельствует о доминировании двух столиц в финансовой системе Российской империи. К 1913 г. 24 % всех кредитов в стране выдано в Санкт-Петербурге и 20 % в Москве, в 1874 и 1897 гг. эти доли были больше. В то же время, разница 1913 г. между Санкт-Петербургом и Москвой не такая значительная, как представлялась раньше по оценкам Гиндина. Есть сомнения, что большой размер финансовых столиц — это российская особенность. В национальных финансовых системах всегда есть иерархия и финансовые столицы не могут не быть очень крупными; это точки выхода на мировые рынки капитала и перераспределения ресурсов внутри страны.

Кредит в банках предоставляется местной клиентуре, а также бизнесу, связанному с этим районом, например, который привозит или вывозит товары. Но так происходит в центрах низкого уровня финансовой иерархии. У финансовой столицы есть возможность кредитовать всю страну. Это рынок более дешевых денег, чем в регионах, поэтому крупный бизнес из любой географической точки страны, основав даже небольшую контору в финансовой столице, может получить доступ к ее кредитам.

По научной литературе хорошо известно, что Санкт-Петербург — международный финансовый центр, а Санкт-Петербург и Москва были столицами для внутреннего рынка страны в целом. Например, в нашей статье о московском отделении Русско-Китайского банка в 1890-е гг. показан механизм доступа региональной фирмы или компании на московский кредитный рынок⁸.

Т а б л и ц а 2. Кредиты в акционерных коммерческих банках Санкт-Петербурга, Москвы и остальных регионов

В млн руб.	1874 г.	1897 г.	1913 г.
Санкт-Петербург	99,1	174,7	707,7
Москва	134,0	164,6	594,4
Остальные регионы	146,2	306,0	1 635,3
Всего	379,3	645,3	2 937,3
Прирост, %		1874–1897 гг.	1897–1913 гг.
Санкт-Петербург		76	305
Москва		23	261
Остальные регионы		109	434
Всего		70	355
В долях, %	1874 г.	1897 г.	1913 г.
Санкт-Петербург	26	27	24
Москва	35	26	20
Остальные регионы	39	47	56
Всего	100	100	100

Еще один важный вывод из табл. 2 — это рост российской банковской провинции. От 1874 к 1913 г. здесь прирост больше, чем в Санкт-Петербурге и Москве (434 %). В 1874 г. доля провинции была 39 %, а в 1913 г. уже 56 %. У Гиндина это красиво называлось вращением петербургских банков «в гущу провинциального торгово-промышленного оборота»⁹. Действительно, на филиальные сети восьми петербургских банков приходится 75 % всех кредитов в провинции по балансам на 1 января 1914 г. Такая структура кредитов указывает на то, что средства перераспределяются по регионам из финансовых центров высшего уровня.

Попробуем посмотреть на сумму кредитов в региональном аспекте (табл. 3). Для группировки многочисленных губерний и областей Российской империи в исследовании используется экономико-географическое районирование П. П. Семенова-Тянь-Шанского¹⁰, однако в связи со спецификой финансовых данных Санкт-Петербург отделен от Северо-Западного района, а Москва — от Центрального промышленного района (ЦПР). Для наглядности районы сгруппированы в еще более крупные регионы.

Т а б л и ц а 3. Региональное распределение кредитов на 1 января 1914 г., млн руб.

Группы районов	Кредиты	Район (ведущие финансовые центры)	Кредиты
Северо-западный район	721,1	Санкт-Петербург	707,7
		остальной Северо-Запад (Псков)	13,4
Центральный промышленный район (ЦПР)	645,9	Москва	596,2
		остальной ЦПР (Нижний Новгород, Рыбинск, Ярославль)	49,7
Юг Европейской России	491,6	Южный степной (Одесса, Ростов-на-Дону, Екатеринослав)	307,4
		Юго-Западный (Киев)	111,6
		Украинский Левобережный (Харьков)	72,6
Запад Европейской России	359,0	Польский (Варшава, Лодзь)	163,6
		Прибалтийский (Рига, Либава)	113,6
		Белорусский (Минск, Гомель)	44,4
		Литовский (Вильна, Белосток)	37,4
Зернопроизводящие районы центральной и восточной части Европейской России	281,0	Центрально-Черноземный (Воронеж, Орел, Тамбов)	93,4
		Средне-Волжский (Саратов, Казань, Симбирск)	92,9
		Юго-Восточный (Самара, Астрахань, Уфа)	94,7
Северный и Приуральский	56,5	Северный (Архангельск)	14,4
		Приуральский (Екатеринбург, Пермь, Вятка)	42,1
Закавказский и Предкавказский	162,4	Закавказье (Баку, Тифлис)	100,2
		Предкавказский (Екатеринодар, Армавир)	62,2

Группы районов	Кредиты	Район (ведущие финансовые центры)	Кредиты
Средняя Азия, Сибирь, Дальний Восток	219,8	Степной край (Омск, Семипалатинск)	25,7
		Средняя Азия (Коканд, Ташкент)	108,1
		Западная Сибирь (Ново-Николаевск, Томск)	43,2
		Восточная Сибирь (Чита, Иркутск)	29,8
		Дальневосточный край (Владивосток)	13,0
Всего	2 937,34	Всего	2 937,34

Если Санкт-Петербург и Москву рассматривать в составе их экономико-географических районов, то разница между ними становится еще меньше, чем в табл. 2 (721,1 и 645,9 млн руб., соответственно), причем кредитов в ЦПР было относительно мало, так как их часть явно в Москве, а Северо-Запад, видимо, похожим образом подавлялся Санкт-Петербургом и Прибалтикой.

Довольно большие объемы кредитов размещены на Юге Европейской России (491,6 млн руб.) и на Западе (359,0), далее следуют зернопроизводящие районы в Центре и на Востоке Европейской России (281,0), Закавказье и Предкавказье (162,4), Средняя Азия, Сибирь и Дальний Восток (219,8), совсем мало банковских активов на Севере и в Приуралье (56,5).

Если посмотреть на карту размещения кредитов по районам Семенова-Тян-Шанского, то кроме двух столиц к высшей категории можно отнести Степной Юг (307,4 млн руб.), затем следует Польша, но там кредитный портфель заметно ниже (163,6). А вот далее, и это интересный новый вывод из табл. 3, идет целая группа районов с примерно одинаковыми кредитными портфелями объемом 90–120 млн руб. Получается, что нет большой разницы между такими непохожими районами, как Прибалтика (113,6), Юго-Запад, или Киев (111,6), Юго-Восток, или Нижняя Волга (94,7), Центральное Черноземье (93,4), Средняя Волга (92,9), Закавказье (100,2). Средний прирост от 1897 к 1913 г. по всем вышеупомянутым нестоличным районам 415 %, что выше прироста Санкт-Петербурга и Москвы. Самый неожиданный результат, что к этой группе районов с кредитным портфелем около 100 млн руб. нужно добавить Среднюю Азию (108,1), где сформировалась хлопковая база текстильной промышленности Европейской России, хотя еще в 1897 г. этого района почти не было заметно на банковской карте империи.

К районам небольших банковских активов относится Украинский Левобережный (72,6), Предкавказье (62,2), Белоруссия (44,4), Приуралье (42,1), Литва (37,4), Европейский Север (14,4). В Азиатской части России 43,2 млн руб. приходится на Западную Сибирь, 29,8 — на Восточную Сибирь, 25,7 — на Степной край и 13,0 — на Дальний Восток.

Таким образом, региональный разрез данных тоже свидетельствует в пользу процессов интеграции и демократизации, когда процесс выравнивания регионов приводит к тому, что, например, в Прибалтике и Центральном Черноземье сосредоточены близкие объемы кредитных активов. Из этого

усреднения регионов выпадают более крупные Степной Юг и Польша. Однако в стране еще много финансовых окраин, особенно в Азиатской части.

В итоге, к 1913 г. процесс выравнивания возможностей между регионами значительно ушел вперед по сравнению с 1897 г. Ставки в среднем снижались и становились более однородными. Кредит уже можно было получить не только в крупных финансовых центрах, но и в многочисленных уездных центрах, то есть в банковской системе стало намного больше участников.

Давно пора отказаться от тезиса, что столицы выкачивают средства из провинции, эту идею можно объяснить только непониманием архитектуры финансовых систем и недостатком статистических данных (которые пытаются преодолеть наш проект).

В то же время, расширение клиентской базы пока не только не сопровождалось снижением ставок, но ставки даже повышались. На этот феномен могли влиять, как минимум, три фактора: во-первых, общемировой повышательный тренд процентных ставок в начале XX в.; во-вторых, расширение рынков идет в провинции, где ставки выше; в-третьих, расширение рынков идет на менее кредитоспособные слои клиентуры, для которых кредит дороже. Факторы 2 и 3 относятся к процессам интеграции и демократизации.

В итоге, банковский кредитный рынок в 1910-е гг. находился в стадии роста за пределы крупных финансовых центров и на новые слои клиентуры, но пока конкуренция не заставила банки заметно снизить ставку, поэтому сохранилась средняя ставка в 7,6 % и рынок еще не достиг насыщения. Однако в целом путь, пройденный банковской системой Российской империи, давал возможность с оптимизмом смотреть в будущее, если бы не Первая мировая война и Революция.

Примечания

¹ Саломатина С. А., Френкель О. И. Региональное развитие российских акционерных коммерческих банков во второй половине XIX в.: статистика и геоинформационные технологии // История: Электрон. науч.-образоват. журн. 2016. Т. 7, вып. 7 (51). DOI: 10.18254/S0001650-4-1; Саломатина С. А. 1) Интеграционные процессы в банковской системе Российской империи в конце XIX в.: статистический анализ // Там же. 2015. Т. 6, вып. 8 (41). DOI: 10.18254/S0001233-5-1; 2) Реконструкции данных в исторической статистике: отделения коммерческих банков Российской империи в 1897 г. // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2014. Вып. 3 (26). С. 87–98.

² Например, см.: Smiley G. Interest rate movement in the United States, 1888–1913 // The journal of economic history. 1975. Vol. 35, N 3. P. 591–620; Good D. Financial integration in late nineteenth-century Austria // Ibid. 1977. Vol. 37, N 4. P. 890–910; Mitchener K. J., Ohnuki M. Institutions, competition, and capital market integration in Japan // Ibid. 2009. Vol. 69, N 1. P. 138–171.

³ Homer S., Sylla R. A history of interest rates. 4th ed. New York, 2005. P. 230–269.

⁴ Гиндин И. Ф. Русские коммерческие банки: Из истории финансового капитала в России. М., 1948. С. 205–215, 385–390, 416–443.

⁵ Там же. С. 210–211.

⁶ Рассчитано по: Гиндин И. Ф. Русские коммерческие банки. С. 210–211 (основные активы минус все корреспондентские счета; от оставшейся суммы взято 84 %, потому

что именно столько составляют все кредиты провинции по нашим данным от показателя «все кредиты провинции плюс портфели ценных бумаг» у Гиндина).

⁷ Сводки Гиндина сделаны именно в 1920-е гг.: *Гиндин С. И.* Первый круг судьбы Иосифа Фроловича Гиндина // *Гиндин И. Ф.* Банки и экономическая политика в России (XIX — начало XX в.): Очерки истории и типологии русских банков: Избранное. М., 1997. С. 12–38.

⁸ *Саломатина С. А., Тужилина Е. Д.* Банк «для своих»: Московское отделение Русско-Китайского банка в 1897–1899 гг. // *Экономическая история.* 2016. № 4. С. 47–62.

⁹ *Гиндин И. Ф.* Русские коммерческие банки. С. 386.

¹⁰ Список экономико-географических районов и входящих в них губерний см.: *Дробижев В. З., Ковальченко И. Д., Муравьев А. В.* Историческая география СССР. М., 1973. С. 182–184.

П. В. Лизунов

КРАХ БАНКИРСКОГО ДОМА «А. И. ЗЕЙДМАН И К^о» В ПЕТЕРБУРГЕ

В период экономического подъема 1909–1913 гг. в Петербурге появилось более десятка новых банкирских заведений. Их владельцами были А. И. Зейдман, А. П. Киреев, М. К. Коровко, А. П. Кропотов, М. А. Левин, С. Ф. Петровский, И. А. Сивко, К. А. Толстопятов и др. — люди разные по своему происхождению, прошлому, своим моральным и нравственным принципам. Наиболее амбициозным из «новых петербургских банкиров» был учредитель и полный товарищ банкирского дома «А. И. Зейдман и К^о» — Август Иванович Зейдман (1870/71–?).

Происходил Зейдман из крестьян Лифляндской губернии, Венденского уезда, Ново-Ронненбургской волости (округа). С 1898 по 1899 г. он занимал должность канцелярского служителя (письмоводителя) в Рижском окружном суде, где прослужил недолго¹ и был уволен за взяточничество. С «волчьим паспортом» он не имел права поступить на какую-либо другую службу. Вскоре на доме № 9 по Дерптской ул. в Риге, где проживал Зейдман, рядом с вывеской «Школа кройки и шитья», которую содержала его супруга Эмма Федоровна, появилась еще одна — «Кухмистерская и школа поварского искусства А. Зейдмана». Лица, близко знавшие его в то время, рассказывали, что он занимался и другими «делами», называя их «комиссионерскими»². Еще в Риге Зейдман становится агентом одной русской фирмы, занимавшейся «устройством» медалей и всяческих наград экспонатам разных выставок. В 1905 г. он организует в Петербурге собственное «бюро по устройству медалей и наград на выставках»³. Себя он именовал главноуполномоченным Комитета имперских и международных выставок. Когда в Министерстве торговли и промышленности были получены официальные донесения о неблагоприятной деятельности Зейдмана, то было проведено расследование, закончившееся скандалом.

Едва в Петербурге улегся шум по поводу «выставочных афер» Зейдмана, он поступил на службу в банкирскую контору З. П. Жданова. Около года